

Цзинь Цзиньчэн оказался на редкость покладистым — всё это время сидел в доме с охраной, не высовываясь наружу, будто ничего не произошло. Лишь под вечер, когда небо потемнело, он лениво потянулся, вышел на воздух, разминая руки и ноги, как ни в чём не бывало, словно днём не было ни угроз, ни конфликта.

Он умел делать вид. Но Тан Шоу умел ещё лучше. С лицом, полным радушия и непринуждённости, он с улыбкой спросил:

— Второй молодой господин Цзинь, не подскажете, что хотите отведать сегодня вечером?

— Приготовьте что-нибудь простое. Только говядину я не ем. И свинину — тоже, — невозмутимо ответил Цзинь Цзиньчэн.

Тан Шоу про себя лишь холодно хмыкнул. Привередливый, значит? Да я в своей прошлой жизни и не таких обслуживал. Думаешь, ты самый переборчивый? Ха. Я даже себе угождать умел — а ты, со своими замашками, как раз по мне.

Он знал, что в среде аристократии есть мода — показывать свою знатность через изысканность вкусов, и особенно ценится баранина, как пища благородных. Потому тут же сказал:

— О, у нас как раз осталась дичь — дикая овца, которую мой муж подстрелил на днях. Если господин Цзинь не побрезгует, могу приготовить ребрышки по особому рецепту.

— Можно, — без особых эмоций кивнул Цзинь Цзиньчэн. — Давно слышал, будто бы у Сюн-фулана отменное кулинарное мастерство. Сегодня, наконец, представится возможность оценить.

— Пустяки, — с той же добродушной улыбкой отозвался Тан Шоу, но тут же добавил, чуть прищурившись: — Однако, в нашем заведении всё по чёткому прейскуранту. Цены предварительно озвучиваются. Бараньи рёбрышки — двести сорок вэнь за порцию. Сколько порций желаете?

Улыбался он мягко, но в душе едва не хохотал: Ах ты, угрожал мне, да? Ну держись. Один цзинь бараньего мяса стоит сто сорок вэн, а на рёбрах и мяса почти нет — две, максимум три косточки на цзинь. Я нарочно положу чуть больше одной косточки, на ней немного мяса — и вуаля, порция. За двести сорок вэнь. Ешь на здоровье. Хоть пять порций бери. Посмотрим, кого переиграет, второй молодой господин Цзинь. Хм-хм!

Для простого крестьянина такая цена за блюдо была бы заоблачной, но для выходца из восточной столицы, где за один обед или кувшин вина легко отдавали по сотне лян серебра, — сущий пустяк.

— Пусть Сюн-фулан готовит, как умеет, — спокойно кивнул Цзинь Цзиньчэн. — Лишь бы было

вкусно — о деньгах речи не идёт.

— Поскольку второй молодой господин Цзинь так говорит, — с улыбкой сказал Тан Шоу, — я всё как следует устрою. Прошу вас пока вернуться в комнату, ужин обещаю — пальчики оближете.

Проводив Цзинь Цзиньчэна, Тан Шоу тут же переменялся в лице — губы растянулись в лукавую, по-лисьи довольную улыбку. Он повернулся к Сюн Чжуаншаню и, с искоркой азарта в глазах, заявил:

— Сегодня пусть эти господа из столицы как следует опустошат свои кошельки! Мы с тобой тоже будем есть бараньи рёбрышки. Ступай в погреб, принеси полтора бока с рёбрами от той дикой овцы.

Сказал — и замер, увидев, что Сюн Чжуаншань не двигается. Подняв глаза, он столкнулся с чуть обиженным взглядом, полным упрека. И тут же вспомнил — этот же волк в человеческом обличье может съесть пять цзиней говядины за раз!

Всё лицо Тан Шоу исказилось: один цзинь баранины — сто сорок вэнь... этот упрямец легко слопаёт пять цзиней — это семьсот вэнь! Боже... жить всё труднее. Надо зарабатывать больше. Я даже собственного мужа прокормить не могу!

Он тяжело вздохнул и обречённо пробормотал:

— Ладно-ладно, я тебе на вечер приготовлю ореховые лепёшки на пару, ещё какие-нибудь пироги сделаю. А то одно мясо есть — желудок не выдержит.

Сюн Чжуаншань хотел было сказать, что его желудок прекрасно справляется и с одним мясом, но, увидев лёгкую тень усталости на лице Тан Шоу, проглотил слова. Тяжело, конечно. Вдруг фулан и правда начнёт сердиться на меня из-за моего аппетита? — подумал он с тоской.

Для приготовления рёбрышек Тан Шоу выбрал участок мяса, где рёбра соединяются с мясной прослойкой — самую сочную часть. Обычно у овцы тринадцать пар рёбер, то есть двадцать шесть костей. Правда, на его памяти, у чистокровной узюмучинской породы овец в будущем было двадцать восемь рёбер — потому что сами овцы крупнее. Есть ли такие в династии Юй — он не знал.

— Муж, наруби эти бараньи рёбра вдоль, на три части каждое, — с ленцой распорядился Тан Шоу. — Раз уж гости из столицы такие богачи, церемониться не будем. Если можно ободрать — обдерем. На порцию — по четыре кусочка.

Тан Шоу, с его хитрой лисьей улыбкой, выглядел в этот момент особенно озорным. Сюн Чжуаншань, глядя на него, едва удержался, чтобы не схватить его и не расцеловать. Его супруг

был невыразимо мил.

Для жарки рёбер нужна была плоская сковорода, но в доме её не оказалось. Тан Шоу взял то, что было под рукой.

Сюн Чжуаншань, управившись с рубкой, без лишних слов промыл рёбра, смывая кровь. Тан Шоу, приняв мясо, начал натирать рёбра солью с обеих сторон, аккуратно массируя их пальцами, чтобы соль лучше впиталась.

— Муж, раздави имбирь и отожми сок. Только сок мне и нужен.

Сила у Сюн Чжуаншаня была с избытком, нож не понадобился. Он бросил куски имбиря в ступку и, прижимая пестик ладонью, за несколько мгновений превратил его в кашу. Протёр через тонкую ткань, отжал — и протянул супругу золотистый сок.

Тан Шоу макнул в сок кисточку, сделанную своими руками, и аккуратно смазал имбирным соком обе стороны каждого кусочка. Имбирь убирал специфический запах, придавал мясу свежесть. Дома, бывало, он добавлял к мясу и каплю лимонного сока — тоже для аромата и мягкости, но здесь лимона не было, и он не придал этому значения.

Затем Тан Шоу повторил ту же процедуру, но уже с рисовым вином — и оставил рёбра мариноваться.

Тем временем Сюн Чжуаншань разжёл огонь под печью, плеснул в котел масло, и стал аккуратно вдоль края выкладывать ребра по одному. Как только мясо коснулось раскалённого масла, раздалось бодрое, аппетитное потрескивание, словно заиграл любимый мотив. Звук был вкусным — звонким, тёплым, дразнящим. Тан Шоу сглотнул слюну. Он сам успел проголодаться — с тех пор, как он сюда переселился, рёбер он ещё не пробовал.

Жарить баранину нужно на слабом огне — это серьёзное испытание для того, кто следит за очагом. Сюн Чжуаншань, высокий и мощный, сидел на корточках у печи, сгорбившись в подобие горы, неуклюже подкладывая веточки и поленья, и в этом его деловитом, кропотливом виде сквозила какая-то трогательная, даже немного жалкая серьезность. При этом огонь, который он поддерживал, был как раз идеальным — ни слишком слабым, ни чересчур сильным.

Баранину нельзя было передержать — пересушенная она теряет вкус. Достигнуть нужной степени было важно: когда снаружи мясо обжарено до аппетитной золотистой корочки, а внутри ещё остаётся нежным и сочным. В момент, когда рёбрышки почти дошли до нужной стадии, Тан Шоу кинул в сковороду несколько зубчиков чеснока — не укладывая их специально на мясо, а просто бросив в ту же сковороду, чтобы аромат чеснока тонко пропитал мясо.

Чеснок появился в стране ещё во времена Цинь и Хань, а к эпохе Сун уже продавался повсеместно. Это обстоятельство очень радовало Тан Шоу: хотя после чеснока дыхание становилось не самым приятным, без него многие блюда теряли бы свою душу.

— Подай мне тарелку, — велел он. — Возьми ту новую, из последней покупки.

После недавней поездки в городок Тан Шоу обнаружил, что на рынке появилось много новых фарфоровых изделий — красивых, разнообразных, и, что важнее всего, дешёвых. Он сразу прикупил побольше, чтобы, когда приезжают клиенты за товаром, можно было подавать еду в достойной посуде, не ударяя в грязь лицом.

Когда рёбрышки выложили на новую тарелку, Тан Шоу посыпал их щепоткой молотого перца и порошком чжуй, а затем слегка, совсем чуть-чуть, добавил соли — по вкусу.

Запах, пропитавший всю комнату, был настолько насыщенным, что никакая закрытая дверь его удержать не могла. В гостевой комнате Цзинь Цзиньчэн уже давно не мог усидеть на месте. Хотя он считал себя человеком, пробовавшим на вкус лучшие яства, но с таким он сталкивался впервые — уже один только аромат заставлял сердце учащённо биться.

Сам Цзинь Цзиньчэн, храня достоинство, сидел прямо, делая вид, что ни к чему не стремится. Но его телохранители не могли сдержаться: они открыто глотали слюну, переглядываясь между собой.

— Господин, — пробормотал один из охранников, — кто бы мог подумать, что в этой деревенской глуши найдутся такие повара... Только по запаху уже понятно — блюдо должно быть отменным. Если господин вдруг не доест, подарите мне остатки!

Другой тут же оттолкнул первого плечом:

— С чего бы это тебе? Господин, если не доедите — лучше мне! Когда тот детина поднял на вас руку, это я первый встал на защиту! Мне награда положена!

— Мне надо отдать, мне! — не унимался ещё один охранник. — Каждый раз, когда господину нужно кого-то послать, я первым бегу! Конечно, награда должна быть моей...

Эти телохранители давно сопровождали Цзинь Цзиньчэна и пользовались его благосклонностью. Он обращался с ними довольно мягко, позволял иногда расслабляться, поэтому между ними частенько царил такая полусушутливая возня.

Видя, как эти самые люди, что днём едва не опозорились перед Сюн Чжуаншанем, сейчас из-за какого-то куска мяса готовы устроить драку, Цзинь Цзиньчэн испытывал странные ощущения — что-то среднее между досадой и смехом. Он и не ожидал, что кулинарное искусство этого фулана окажется настолько сильным, что доведёт его обычно хладнокровных людей до состояния, будто они целую вечность ничего не ели.

Он прокашлялся, нарочно сделал два громких «кхм-кхм», и сказал:

— Хватит уже. Что я, похож на человека, который пожалеет кусок мяса? Сегодня вы все со мной натерпелись, я каждому заказал отдельную порцию. Нет, не порцию — "гостевую трапезу", так у них называется. Правда, не знаю, сколько это будет.

Но охранников это совершенно не волновало — они, сияя от радости, уже наперебой благодарили своего господина.

В этот момент за дверью послышался голос Тан Шоу:

— Второй молодой господин Цзинь, баранина готова. Могу я войти?

Не дождавшись ответа, один из охранников, который стоял ближе всех к двери, тут же распахнул её и с широкой улыбкой воскликнул:

— Господин уже заждался! Прошу, прошу! — при этом сам поспешил навстречу, с радостью принимая блюдо с бараньими рёбрышками.

— Ах! Это же фарфоровая тарелка! — с изумлением воскликнул один из охранников. — Как можно подавать нашему господину еду в фарфоре? Даже если нет золота и серебра, хотя бы лакированное дерево подошло бы!

Сюн Чжуаншань, стоявший позади Тан Шоу, злобно сверкнул глазами. Одного взгляда хватило — охранник моментально втянул голову в плечи, весь передёрнулся, словно превратился в перепуганного перепела, и больше не осмелился произнести ни слова.

Цзинь Цзиньчэн, глядя на него, испытал целую бурю чувств — и досаду, и желание отругать за тупость. Тьфу ты, бездарь! — мысленно выругался он. Но, встретившись глазами с устрашающим Сюн Чжуаншанем, тут же подумал, что в такой ситуации малодушие его охранника вполне объяснимо.

— Ничего страшного, — спокойно сказал он. — Фарфор — тоже хорошо. Мы ведь не дома, здесь нет смысла придерживаться всех церемоний.

Пусть даже изысканные ароматные бараньи рёбрышки подавались на обыкновенной фарфоровой тарелке, это никак не умаляло их вкуса. Цзинь Цзиньчэн никогда в жизни так нетерпеливо не ждал еды. Его рвение было настолько очевидным, что охранники переглядывались, не веря своим глазам: впервые они видели своего господина в таком нетерпеливом и даже немного неловком состоянии. Однако стоило им самим откусить по кусочку рёбрышек — тут же все мысли выветрились, и в комнате остались только звуки жевания, причмокивания и глубокие вздохи удовлетворения.

За закрытой дверью Тан Шоу и Сюн Чжуаншань тоже сели за стол. Тан Шоу, как привык в прошлом мире, взял нож и вилку, аккуратно, по-западному, разрезал мясо и наконец

попробовал первый кусочек. В то же время Сюн Чжуаншань уже встал и пошел за новой порцией.

Если Тан Шоу всё правильно подсчитал, то на тарелке у его мужа было мяса вдвое больше, чем у него самого...

Подняв глаза, Тан Шоу увидел, как Сюн Чжуаншань в лучших своих традициях полностью игнорирует нож и вилку — да что там, даже палочки ему были лень взять. Он просто схватил ребрышко руками, откусил огромный кусок, в два движения обглодал до чистой кости и бросил на тарелку. На костях не оставалось ни крошки мяса — выглядели они так, будто их обгрызала голодная собака. Как у него помещается все в рот, было совершенно непонятно.

— Фулан, почему ты не ешь? Ешь давай, — между укусами сказал Сюн Чжуаншань, несколько не замедляясь. — Очень вкусно. Я раньше никогда так приготовленную баранину не ел — нет ни запаха, ни жёсткости, мясо нежное.

При этом он умудрился уже умять ещё две порции.

Тан Шоу почувствовал, как в груди становится тяжело, дыхание сбивается, а в глазах начинает темнеть. Он испытал на себе настоящее давление судьбы. В другом доме такого обжору в жизни бы не прокормили, но ему, Тан Шоу, с его опытом выживания в сложных условиях, видимо, было суждено содержать собственного маленького тайного монстра обжорства. Другие заводят мужей — я завёл себе пожирающего всё таотэ, — тяжело вздохнул он. Жизнь — борьба, деньги достаются потом и кровью, революция ещё не завершена, нужно работать ещё усерднее!

Тан Шоу в ужасе схватил кусок баранины и быстро закинул его в рот, чтобы хоть как-то утешиться.

— Слушай, — проглотив очередной кусок, задумчиво сказал он, — я слышал, что тот охранник говорил, мол, их господин не пользуется фарфором. А чем тогда пользуется? Золотом? Серебром?

Тан Шоу нахмурился в замешательстве.

В его памяти фарфор всегда считался вещью дорогой и ценимой: знаменитые трехцветные изделия эпохи Тан, или утончённый фарфор династии Сун, — каждый из этих предметов в будущем стоил целое состояние. Даже в пределах истории, насколько он помнил, фарфор всегда считался ценным и редким. Императоры династии Цин, например, буквально обожали его.

— У нас в Да Юй керамика процветает, — объяснял Сюн Чжуаншань, не останавливаясь в еде. — Производство фарфора цветёт пышным цветом, изделий полно, на каждом шагу, потому фарфор и стоит дёшево, даже бедняки могут себе позволить. А чтобы подчеркнуть своё

высокое положение и отдалённость от простого люда, знатные роды избегают пользоваться фарфором. Они обычно используют посуду из золота и серебра, а если нет денег на такие роскошества, то хотя бы лакированное дерево.

— Лакированное дерево дорогое? — заинтересованно спросил Тан Шоу.

— Подороже фарфора. Если хочешь, мы тоже можем себе позволить.

Тан Шоу про себя фыркнул: я-то человек из будущего, меня деревяшкой не удивишь. А вот фарфор люблю — представь себе: в будущем чашка времён династии Сун стоит десятки тысяч! И я, значит, сижу, ем лапшу из такой чашки — шик, блеск, никакой современный толстосум рядом не встанет.

Тем не менее, вслух он сказал другое: раз уж местная знать любит щеголять лакированной посудой, значит, и ему придётся покупать, чтобы соответствовать здешним "богатым вкусам".

— В следующий раз, как поедем в город, купим пару комплектов лакированной посуды, — решил Тан Шоу.

— Как скажешь, — безразлично отозвался Сюн Чжуаншань, продолжая методично уничтожать баранину.

Зимой дни коротки, и, поужинав, уже можно было считать, что день подошёл к концу. Оставалось только лечь спать. Но как раз в это время в двери дома Сюн раздался громкий, неестественно резкий стук — даже не стук, а настоящий грохот, будто кто-то яростно бился кулаками о створки.

Громкий шум всполошил всё вокруг. Сердце Тан Шоу сразу же ухнуло вниз, заколотилось в панике — всё тело сжалось в предчувствии беды.

— Кто там? Почему так стучите? — крикнул Тан Шоу, но голос его предательски дрогнул и охрип, словно он несколько дней не пил воды.

Сюн Чжуаншань нахмурился, лицо его потемнело. С тех пор как он вернулся в деревню Синьхуа, ещё никто не осмеливался так шуметь у его дома, а теперь не только осмелились, но ещё и до того напугали его фулана. Это было уже за гранью допустимого — он ощутил, как в груди нарастает глухая ярость.

Он аккуратно усадил маленького фулана обратно на кровать, словно опасаясь, что тот может испугаться ещё сильнее, и, с лицом чёрным как туча, пошёл открывать дверь.

— Открывай! Живо открывай! — грубый голос за дверью несомненно принадлежал тем, кто пришёл с дурными намерениями. — Мы знаем, что вы дома! Быстро!

Деревянная дверь дома Сюн дрожала под ударами, с каждой минутой теряя прочность — старая древесина начала осыпаться пылью, и казалось, что ещё чуть-чуть, и дверь рухнет под грубой силой.

Когда Сюн Чжуаншань распахнул дверь, перед ним предстали несколько мужчин в чиновничьих мундирах с длинными ножами на поясе. Один из них держал в руках бумаги и кисть. Рядом стоял деревенский староста Чжоу Хэ — дрожащий, посиневший от холода или страха, а может и от того, и от другого вместе.

<http://bllate.org/book/13592/1205357>